Сердце для стража

Автор:
Артем Каменистый

Сердце для стража

Артем Каменистый

Девятый #5

Он знал, что не первый в списке тех, кому повезло чуть больше, чем другим. И подозревал, что не последний. По слухам где-то здесь бродит как минимум один доброволец из проекта конкурентов. И доброволец непростой – психопат с манией убийства себе подобных холодным оружием.

Случалось, ему снились встречи с «конкурентами», и ни один из этих снов не был приятным.

И вот наконец сны начинают прорываться в реальность. Увы, момент не слишком подходящий, чтобы выяснять, так ли уж страшен черт, как рассказывают. У него ничего не осталось – ни верных воинов, ни сильного флота, даже ботинок и тех нет. Сохранилось только то, что не потрогать руками: опыт, закаленный характер, новые навыки и возможности.

Артем Каменистый

Сердце для стража

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца

авторских прав.

* * *

Пролог

Галера была далеко не новой, ее изрядно потрепали боевые пиратские приключения и превратности морской погоды, к тому же в этом рейсе судно безжалостно перегрузили, но капитан Саед выбрал «старушку» не зря: он предпочитал опытность, даже если это касалось неодушевленных предметов. При условии, конечно, что опытность ни имела ничего общего с дряхлостью.

Но хотя этот корабль к дряхлым не относился, трюмная команда без перерывов вычерпывала воду. Причем самым примитивным способом – деревянными бадейками, спускаемыми на веревках, так как помпы сломались еще вчера, не выдержав натиска штормовой стихии. Плотники сейчас спешно пытались их привести в порядок, но честно предупреждали, что после ремонта долго они не протянут, да и работать будут еле-еле. Нужен хороший кузнец и к нему соответствующая кузня – слишком уж намудрили демы с этими несложными устройствами. Виданное ли дело, чтобы добрая половина деталей была выполнена из металла, да еще и соединялась хитроумно? Конечно, производительность и удобство несомненны, только криворукие сухопутные крысы, поставленные за коромысла рычагов, быстро набедокурили. Кто же знал, что тут ни лишку нельзя потянуть, ни вполсилы качать?

Если шторм вернется, то придется огромным черпаком горя похлебать. Или теми же бадейками…

Ни один человек даже в приступе самого необузданного гнева не назовет матийца сухопутной крысой. Все представители этого народа в той или иной мере жили морем, ведь на островах трудно найти место, с которого не получится разглядеть необъятный водный простор. Будто нива землепашца, он давал всем жителям архипелага пищу, но методы ее получения существенно разнились.

Батраки-фелты в предрассветных сумерках поднимали пестрые от декоративных заплаток паруса баркасов, чтобы успеть снять сети до пробуждения хронически голодных матийских бакланов, размеры которых потрясали взоры всех без исключения иностранцев, а обезьянья ловкость позволяла воровать улов, ныряя на огромные глубины и не запутываясь при этом. Затем рыбаки разворачивались к берегу, чтобы вернуться вечером и поставить снасти заново. И лишь непогода могла прервать этот круговорот.

Женщины общины эдемов, по легенде некогда сбежавшие с земель демов, за что и получили их название с приставкой отрицания, выходили в море уже после рассвета, зато возвращались на берег только к вечеру. Весь день они раз за разом погружались на дно с помощью просверленного по центру плоского камня на длинной веревке, собирая там моллюсков, съедобные водоросли, деликатесных кремово-розовых осьминогов и хитрющих матийских лобстеров, наотрез отказывавшихся забираться в ловушки из дубовых прутьев, как их северные сородичи. Мужья эдемок при этом занимались домашними делами и по очереди патрулировали зону добычи от любопытствующих, так и норовивших поглазеть на ныряльщиц. Учитывая, что последние работали в той же одежде, в которой появились на свет, желание неудивительное.

Несмотря на то что фелты, эдемки и прочие работяги составляли большую часть населения Матийских островов, славу архипелагу завоевали не они. Военный флот – вот ее единственный источник. Непобедимые корабли, способные в три вымпела растерзать эскадру из десятка демских галер, оставив от южан лишь перья ощипанной гордости на разбавленной кровью воде. Не зря южане ненавидели их до зубовного скрежета. Человек, схваченный с матийским мечом в руках, был обречен на мучительную смерть, даже если нога его никогда не ступала на землю островов.

Матийцы чтили родовитость, но еще выше у них ценились удача и личные способности. Те, кого Всевышний ими не обделил, имели высокий шанс стать первыми на палубе независимо от того, где родились – в лачуге бедняка или дворце аристократа.

Несмотря на столь серьезную конкуренцию, первым на палубе сумел стать Саед Макуратар аб Веллис из древнего рода Картарис. И сейчас, выслушивая поток брани со стороны Арисата, в которой «сухопутная крыса» было самым безобидным выражением, он ни на миг не изменил своему ледяному

спокойствию.

Ему ведь не надо никому ничего доказывать – сама жизнь доказала, что он далеко не пустое место. Да, и ему доводилось совершать ошибки, но кто их не совершает? Оправдываться? В чем? В том, что случилось сейчас, нет его вины. Впустую кипятиться в ответ? Зачем? Это бессмысленно. И на кого прикажете кипятиться? На Арисата?! Бакайца, который море видел лишь с палубы примитивного пиратского струга и никогда не терял берега из виду?! Матийцев тоже обвиняют в пиратстве, и против такого обвинения не всегда есть что ответить, но помимо алчной заботы о добыче, у них имеется нечто более важное: честь, жажда славы и новых открытий, стремление к победе любой ценой и безразличие к собственной жизни, если ее требуется отдать ради блага Матии. А эти стервятники даже объединиться для совместного отпора не сумели, когда демы пришли на их острова с настоящей войной. Так и сидели в своих разбойничьих гнездах, откуда их выковыривали одного за другим, будто подгнившие ядра залежалых орехов.

И это сплошное недоразумение смеет обзывать матийца сухопутной крысой? Даже не смешно…

Бакайцы легко вспыхивают и так же легко гаснут. Вот и сейчас, накричавшись до хрипоты, Арисат, обескураженный непоколебимым безмолвием Саеда, выдал почти нормальным голосом:

– И что ты теперь собираешься делать, пес матийский?

Капитан ответил без паузы, будто только и ждал этого вопроса:

– Для начала надо выпить.

– Что?! Ты, объедок селедки, и твои люди!.. Нет! Не люди! Черви, которых зачали шлюхи от вонючих козлов, а роды проходили в куче перепревшего навоза, проворонили нашего адмирала, нашего стража, сэра Дана! Он был на твоем корабле, а теперь его здесь нет! И после всего этого ты говоришь, что собираешься выпить?!

– Да, я сказал именно это.

– Гореть тебе в аду на самом медленном огне! Тогда и мне прикажи налить!

– Глонарис, принеси-ка нам чего-нибудь покрепче воды.

– Насколько покрепче?

– Намного, Глонарис, намного…

Корабль был перегружен сверх всякой меры, как команда, так и пассажиры большей частью толпились на палубе, и сейчас не один десяток глаз внимательно наблюдал за ссорой капитанов и началом того, что могло вылиться в офицерскую попойку. А чем еще заниматься командованию, потерявшему своего адмирала? Логика моряка и сухопутного человека во многом противоречат друг дружке – никто здесь даже мысленно не посмеет упрекнуть Саеда. Матиец не впал в бездействие – он, похоже, собирается пьянствовать, а здесь это уважаемое занятие, тем более при таких обстоятельствах.

Потеря адмирала, мертвый штиль, последовавший после жестокого шторма, в котором сгинули четыре корабля. Судьба их до сих пор неизвестна.

Как и адмирала.

Так почему бы не запить?

Верный Глонарис выбрался из каюты, держа в руках оплетенную бутыль. Со звонким «чпок» отточенным движением выдернул пробку, нюхнул содержимое, отчего его длиннющий нос мгновенно налился подозрительной краснотой, и начал наливать в бокалы, поставленные на бочку. Звук разбивающейся о стекло струйки алкоголя сработал будто заклятие чернокнижника. Только вместо вызова демона из преисподней появилось нечто иное. Упитанный попугай изумрудно-зеленого окраса со взглядом наглее, чем вся наглость человечества, спикировал с вершины мачты, где укрывался последние часы и всем своим видом демонстрировал высшую степень презрения к человечеству, уселся на край бочки, пересчитал бокалы и голосом трактирного пропойцы озвучил претензию:

– Мы ведь на троих договаривались сообразить!

– Это можно, – кивнул Саед. – Но для начала надо решить кое-какой вопрос.

– Ну так выпьем, и сразу за работу, – попыталась увильнуть от дела ленивая птица.

– Выпьем, и не единожды, но только после работы.

– Ну и чего тебе от меня понадобилось, глист сортирный?

– Совсем немногое. Мы, знаешь ли, не можем понять, где сейчас находится сэр страж, и…

– Ох и дуралей же я! – воскликнул Арисат, хлопнув себя по лбу. – Из-за всего этого позабыл, что умная птица чует стража издали!

– Вот и я о том же, – не обидевшись на перебившего, продолжил Саед. – Скажи мне, мудрая птица: в какой стороне нам следует искать сэра Дана?

Попугай посмотрел на один бокал, затем на второй – и, с трудом оторвав затуманившийся от переполнявших его желаний взгляд, уставился на Саеда и хрипло выдал:

– Тут все плохо. Совсем плохо. Ни зги не видать. Туман и метель одновременно, хоть коней заворачивай.

– Ты не знаешь, где страж?

– Плохие края, народец жаден и злобен. Ноги надо уносить, покуда за шею не повесили.

– Плохие… Ты имеешь в виду, что мы в Проклятых водах?

– Да все это море трижды проклято, – буркнул Арисат.

– Дурачок-то правду говорит, – поддакнул попугай.

– Сам такой, петух крашеный. Саед, возле сильной погани у него, бывает, чутье иначе работать начинает, а после того как выпьет много, и вовсе ничего не замечает. Наверное, в проклятых местах даже пропажа нюха может случиться. Вот как здесь.

– Все это море не совсем обычное, но до этих пор никто не говорил, что у птицы снизилось чутье.

– Необычное?! Да тут одни острова поганые чего стоят! Не видал разве таких?! Вы, матийцы, любите о них трепаться.

– Доводилось видеть. Но не приставать. Нельзя к ним богобоязненному человеку приставать.

– Вот то-то! А вдруг под нами сейчас, на дне морском, храм темный, со старых времен оставшийся, или еще что-то такое, совсем уж нехорошее? Мы над ним проходим, не замечая, а вот птица вся в растерянности. У нее ведь нюх на темные дела. Пусть море затопило землю проклятых язычников, но сама тьма могла остаться. Даже наверняка осталась. Сам же знаешь, ведь на карте твоей это нарисовано. Гиблые воды, раз даже птица стража чутье потеряла.

– Не удивлюсь, если ты прав до последнего слова. Что предлагаешь?

– Надо поскорее убраться отсюда в такое место, где Зеленый опять сможет чуять. Тогда он и подскажет нам путь к адмиралу.

– Все так просто? И каким образом мы уйдем отсюда в штиль?

– За весла возьмемся.

– Ах, Арисат, Арисат… Я вижу, у тебя нет опыта управления большими судами, не говоря уже об эскадрах таких кораблей…

– И откуда, к чертям собачьим, у меня может появиться такой опыт?

– Объясню коротко: корабли перегружены, глубоко просели, вода усиленно сопротивляется их движению, скорость даже на парусах смехотворна, на веслах

и вовсе плачевная. К тому же у нас ограниченный запас пресной воды. Через несколько дней он выйдет, но даже я не знаю, где здесь можно найти источники для его пополнения. Все местные острова прокляты как один, на карте их редко отмечают, приставать не советуют. Не иначе как сама тьма наслала бурю, что нас сюда занесла. Самое поганое место во всем поганом море. К тому же и без темных дел хватает опасностей: по слухам, рифов и мелей здесь не меньше, чем чистой воды. Даже демы не осмеливаются ставить в этих краях свои проклятые храмы, а это о многом говорит. Вспомните тот, который встретился на пути к Железному Мысу: он располагался на острове, что в стороне от этой сплошной мерзости. Сейчас штиль, мы стоим, но море никогда не стоит. Течение несет нас вглубь опасных вод. Если сэр Дан все еще жив, на что я очень надеюсь, то его также должно нести в ту сторону. Нам или надо рискнуть всеми и отправиться за ним, или разделиться. Оставить один-два корабля, сняв с них большую часть пассажиров на другие, и пусть отыщут адмирала. Остальные в это время пойдут на веслах, и, когда будет возможно, парусами, на север. Там не так далеко до Стрелки Ксанта, а за ее круговоротом течение понесет их на северо-восток, и они легко доберутся до Межгорья. Если, конечно, не пропустят Стрелки. Но ее трудно пропустить и еще труднее не найти там источников пресной воды. Унылая цепь бесплодных островов, но зато там куда безопаснее, чем здесь. Нам с вами, Арисат, следует хорошенько подумать, как поступить. Всем идти или разделяться. А если разделяться, то кого куда отправлять. Вот чем надо заниматься, а не глупые ссоры затевать.

Бакаец, решительно хватаясь за бокал, заявил:

– Мы должны довести всех людей до Межгорья. Но и стража бросать не можем. Разделяться? У нас мало мореходов с опытом, делить их будет непросто. Даже не знаю, как лучше поступить. На трезвую голову такое не следует обдумывать.

– А дурак-то не такой уж и дурак. Поразительно мудрые слова, – в своей стандартной манере отреагировал попугай.

Глава 1

Капитан боевого бревна

Интересно, чем сейчас занимается моя команда? Точнее, команды всех судов эскадры. Наверняка ведь уже давно выяснили, что адмирал пропал. Адмирал не иголка, спохватиться должны были быстро. А куда можно пропасть в море? Известно куда: в этом самом море и пропадают. Далее неудачнику лишь два варианта остаются: либо в сторону дна двигаться, либо по горизонтали – это куда волны понесут.

Куда они меня несут, я сейчас понятия не имел. Ветер утих, будто в небесах рывком опустили рубильник запуска ураганов, но неунявшиеся водные валы продолжали перекатываться через мое неказистое плавсредство (и меня заодно). К великому счастью (хотя как еще на это посмотреть…), в моей биографии уже присутствовал эпизод аналогичного путешествия. Тогда я был глуп, неопытен, дезориентирован, плохо управлялся со своим новым телом, но даже это не помешало мне с помощью похожего бревна добраться до берега. Покоя, спасения и подспудно ожидаемого величия я там, правда, не обрел, но это уже к делу не относится.

Из еще не забытого опыта (всего-то год миновал) я хорошо усвоил простую вещь: пускай на дворе даже разгар лета, но замерзнуть придется до состояния, когда на позвоночнике будет явственно ощущаться слой льда. Руки и ноги при этом слушаются куда хуже обычного – особенно это касается пальцев. В спокойную погоду можно кое-как отогреваться в солнечных лучах, частично выбираясь на бревно, но сейчас эта возможность была недоступна из-за высоких волн. Да и небо облаками затянуло.

Пальцы одеревенели, я их почти не чувствовал. Как будто гроздью протезов цеплялся за бревно. Сломал пару ногтей, но даже не заметил этого – ни малейшей боли.

Кто бы мог подумать, что летнее море – это лучшая анестезия?

Хорошо, что я об этом вспомнил еще ночью, когда немного освоился с крахом карьеры. Только что был всеми уважаемым адмиралом, командующим приличной эскадрой, или даже небольшим флотом, и вдруг неожиданное предательство, бешеные глаза фанатика, его последний вопль, задушенный в треснувшем горле, – и ты уже низвергнут вниз, на должность…

Так какая же у меня теперь должность? Гм… А ведь не самая рядовая. Бревно ведь в данном случае – средство передвижения водным путем. То есть его можно приравнять к судам. Малотоннажным. На корабле всегда есть главный – капитан. А кто здесь главный? Никого? Тогда я главным буду.

Итак – я теперь не адмирал флота, а капитан бревна. Надеюсь, понижение временное, а то ведь буду скучать без причитающихся мне льгот.

На посту капитана я уже успел сделать немало. Прежде всего, еще ночью соорудил из штанов и куртки обвязку, прикрепив себя к бревну как можно крепче – не хотелось бы потерять и этот «корабль». Гибрида сапог и ботинок, который здесь принято называть «морские башмаки», я не потерял. Распустил шнуровку, привязал обувку покрепче. Пусть в море она мне ни к чему, но не вечно же водным процедурам предаваться.

Я был полон надежд добраться до суши. Любой суши. Пусть даже меня несет на юг и в конце концов выбросит к демам. Я и не из таких ситуаций выкручивался – выкручусь еще раз. А вот с морем заигрывать бесполезно. Ему плевать на твои выдающиеся физические данные, интеллект, умения играть на семиструнной гитаре и мухлевать в карточной игре, при этом не попадаясь. Ему ни до чего нет дела. Несет свои волны, куда ему вздумается, и горе тебе, если ему вздумалось нести их вдали от побережий.

Не люблю попадать в зависимость от таких непредсказуемых в своем выборе факторов.

Сейчас я замерз до такого состояния, что не смог бы ни узла завязать, ни даже куртку стянуть. Хорошо, что в темноте все успел сделать. Волны, ударяя в меня по десять раз за минуту, могли оторвать от бревна или даже украсть одежду. Довелось мне однажды видеть утопленницу на морском берегу. Бедняжку таскало недолго, но она осталась почти голой. Вот и опасался похожей участи.

Управлять движением бревна я мог, но даже не пробовал этим заниматься. А зачем, если понятия не имею, в какую сторону мне следует двигаться? Если ничто не изменилось с ночи, то течение должно тащить меня на восток. Там, примерно через тысячу километров, а может, и куда больше, располагаются проливы, ведущие в уютное внутреннее море. И суши завались, и людей полно. Но донесет ли туда потрепанный рыбами и соленой водой труп, прикрепленный

к бревну? Боюсь, даже моя регенерационная система не сможет справиться с таким приключением.

Перспектива закончить героическую биографию таким неприглядным образом меня не устраивала, и поэтому я пытался от нее отвертеться единственно доступным способом. А именно – следил за волнами. Это только глупому человеку они все кажутся одинаковыми. Ничуть нет: силы, их порождающие, подчиняются строгим законам, не до конца, кстати, исследованным.

К примеру, есть такое явление, как волны-убийцы, ужасающие cape rollers. Прошу не путать с цунами – причины возникновения и механизм действия у них принципиально разный. Если встречи с цунами вдали от берега команда корабля может вообще не заметить, то этой напасти не заметить будет невозможно. На всю оставшуюся жизнь запомнят, если, конечно, жизнь после этого будет продолжаться.

До девяностых годов двадцатого столетия волны-убийцы творили что хотели, погубив немало кораблей и людей. Да и сейчас продолжают заниматься тем же самым, просто стали признанным явлением. А тогда маститые ученые напрочь отказывали им в праве на существование, безапелляционно причисляя к категории «глупых матросских баек». И лишь когда эти байки начали фиксироваться в массовом порядке, причем не глазами уцелевших очевидцев, а приборами, в том числе и спутниковыми, пришло время отказаться от незыблемого прежде постулата, гласившего, что в условиях Земли в открытом море волны выше двух десятков метров невозможны. До тех пор пароходства, обращаясь к страховщикам, из кожи вон лезли, пытаясь сочинить стройную версию, убедительно доказывающую, что гибель супертанкера, контейнеровоза или даже нефтяной платформы возможна за считаные минуты, а то и секунды.

В общем, к чему я веду: не все волны в море одинаковы. Есть побольше, есть поменьше. Если подняться на ту, которая повыше, можно заглянуть чуть дальше за горизонт. Именно этим я занимался все свое свободное время (шестьдесят минут в час): караулил «девятый вал», на подходе его изготавливался и, когда бревно поднималось, изо всех сил рвался наверх, натягивая скрученный жгут одежды, крепивший тело к «кораблю». На высшей точке бешено крутил головой, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Но, кроме пенных барашков на вершинах волн, до сих пор не увидел ровным счетом ничего.

Хотя вру. Пару раз что-то мелькало в воде. Темное, неопознанное. Но явно не суша. Может, бревна, аналогичные тому, которое меня спасало, может, рыбы. Акул в этом море вроде бы не водилось, но вот именно что вроде бы. Ведь исследовано оно чуть хуже, чем кое-как. Даже на отличной по нынешним временам карте Арисата белые пятна занимали не меньше трети площади. Половину оставшейся украшали маловразумительные пояснения в духе «по слухам, где-то здесь имеется скалистый остров, пристать к которому можно лишь с запада, но делать это незачем, потому как воды на нем не найти даже малую кружку наполнить».

По тем же слухам, немало народу бесследно сгинуло в этом море при хорошей погоде и отсутствии признаков присутствия вражеских кораблей. Кто-то грешил на исполинских акул и спрутов, хотя таких здесь никогда не видели, другие населяли воды созданиями похуже, о которых мне сейчас лучше не вспоминать во избежание излишних стрессов.

В общем, каждая встреча с чем-то подозрительно-темным, болтающимся на поверхности, вызывала нервное напряжение. Жизнь научила меня не ждать от нее ничего хорошего, вот и сейчас я частенько косился на глубоко вбитый в бревно нож и с отвратительной ясностью осознавал, что воспользоваться им не сумею. Деревянные пальцы просто не смогут его ухватить и вытащить, а если и смогут, то ни за что не удержат. И полетит он в пучину морскую, пронзит ее сверху донизу, упадет на дно, даже не поцарапав шкуры вероятного противника.

Пока что у меня есть силы осматривать горизонт. Я еще не ослаб от голода, жажды и постоянного напряжения. Но долго ли так протяну?

Не знаю…

О приближении суши меня любезно предупредили чайки. Плавать эти птицы умеют, причем отлично, но далеко от земли улетать не любят. Там их гнезда с вечно голодными птенцами, да и ночевать предпочитают исключительно на твердой поверхности. Появление птиц я позорнейшим образом проворонил, и ситуацию спасли их крики.

Встрепенувшись, принялся с удвоенной энергией озирать горизонт, и вскоре усилия вознаградились. Далеко, на пределе видимости, среди волн темнело что-то подозрительное. То ли россыпь каменных зубьев, выдающая риф, то ли крошечный островок. И там и там вероятность разжиться пресной водой была опасно близка к нулевой, но даже столь мизерными шансами не стоит пренебрегать. К тому же даже кратковременный отдых от этой нескончаемой холодной болтанки для меня сейчас огромная ценность, и за нее стоит побороться.

Увы, мореходные качества моего «корабля» сыграли плохую шутку. Я, теряя последние крохи сил, пытался направить его к замеченной суше, но вместо того чтобы понемногу приближаться, она, наоборот, удалялась. Не надо быть гением, чтобы догадаться – мои планы противоречат направлению течения. Оно куда сильнее человека, оседлавшего бревно.

Окончательно осознав, что победа в состязании с морем мне не светит, я перестал бороться. Силы еще пригодятся. Где один островок, там и другие могут найтись, причем на более перспективных курсах. Остается лишь ждать.

Опять ждать…

Глава 2

Коллега, которому не повезло

Своего я дождался лишь на следующее утро. Отупев от усталости и отсутствия сна, тем не менее не мог не заметить, что все то же течение (неоднократно проклятое) несет меня почти прямиком к новому островку. Этот на вид был куда солиднее предыдущего (по крайней мере, гораздо выше). Но все равно признаки не очень радостные. Опыт подсказывал, что передо мной, скорее всего, бесплодная скала, гнилым зубом торчащая из моря, – таких здесь хватает. Источников пресной воды на них не бывает, как и растительности с животным миром. Лишь чайки да бакланы, но даже яйцами из их гнезд не получится заглушить жажду (если это вообще возможно): птенцы давно вылупились.

Плевать – мне нужна земля под ногами. Полежать, поспать немного, чуток отогреться. Может, с вершины скалы получится оглядеться, найти более перспективную сушу и затем попробовать до нее добраться. Я не имею права упускать такой шанс – еще одни сутки в море могут стать для меня последними.

Трудно заставить плыть бревно не по воле волн, а туда, куда тебе требуется. Особенно если руки и ноги у тебя деревянные. Именно такими стали мои конечности за сутки с хвостиком. Но я старался, и старания мои были вознаграждены.

Даже деревянной ноге стало больно, когда от души приложился коленом о подводный камень. Взвыв изголодавшимся волком, я высказал все, что думаю об этом камне, этом море и всей этой планете, после чего начал двигаться осторожнее. Не прошло и минуты, как задел еще один камень, но уже не так сильно. Стало очевидно, что меня вынесло на отмель перед скалой. Возможно, и здесь когда-то была суша, но волны и течение оставили от нее лишь неровное основание, от контактов с которым сейчас страдают мои нижние конечности.

Попытался встать, и это даже удалось, но лишь на одну секунду. Я убедился, что руки не смогут удержать бревна – его вырвут все еще приличные, несмотря на сутки штиля, волны и понесут куда им заблагорассудится. Узлы на одежде не выдержат такой нагрузки. Уже после одного удара стало заметно свободнее, а дальше и вовсе развяжутся. Расставаться с «кораблем» не хотелось – даже беглого взгляда на скалу хватило догадаться, что успешно робинзонить здесь вряд ли получится. Значит, неизбежно встанет вопрос о продолжении плавания.

Двигался, толкая бревно к суше, пока волны не приложили о камень грудью. К счастью, не так уж и серьезно, но все равно больно до слез. Чуток посильнее – и не миновать переломов ребер.

Сменил тактику, попытавшись чуть ли не всем телом забраться на бревно. Управлять стало неудобно, зато ребра целее будут. Да и волны теперь помогали, несли туда, куда надо, на россыпь торчащих из воды камней, меж которых водные валы и гибли в бурлении пены.

Вот между такими камнями я и ухитрился протащить бревно. Оно обо что-то ударилось, затем меня накрыло водяным валом, и лишь все еще держащаяся обвязка не позволила утащить из последних сил барахтающееся тело непонятно

куда.

Впрочем, после следующего удара обвязка наконец сдалась, и я стал свободен как птица (промокшая до позвоночника и вдобавок избитая). Барахтаясь в пене, старался ухватить одежду деревянными руками, одновременно совершая акробатические чудеса, чтобы не приложиться о камень чем-нибудь для меня очень дорогим. Как обычно в таких случаях бывает, приложиться все же пришлось, причем именно недешевым: головой. От удара в глазах потемнело, конечности еще более ослабели, и некоторое время я балансировал на тонкой границе, за которой следует потеря сознания. Но пронесло.

Вынырнул, едва опять не приложившись, на этот раз макушкой о бревно. Ухватил спутанную в жгуты одежду, оказавшуюся на расстоянии вытянутой руки. Сзади о выступающие из воды камни опять ударил водный вал, перекатился, на исходе сил толкнул в спину, понес. Я успел упереться в валун прямо по курсу, не позволив себя о него шмякнуть, оттолкнулся ногой от близкого дна, опять ухватился за бревно.

Это повторялось опять и опять. Меня ни разу в жизни так скрупулезно не избивали, как это проделывал здешний прибой. В синяках и ссадинах, с гудящей головой и водяными пробками в ушах, я наконец преодолел полосу громадных камней, за которой начиналось более-менее спокойное мелководье. И вот уж подвиг так подвиг: даже бревно сумел туда дотащить.

Хотя, если честно, все было как раз наоборот: тащило меня бревно, а я просто цеплялся за него как мог, изредка пытаясь корректировать курс, и далеко не всегда это получалось.

Пляжа в привычном понимании здесь не было, да и островом такое безобразие не назвать. Россыпь огромных камней на каменистой же отмели работала волноломом, не давая водяным валам добраться до скалы с раздвоенной вершиной. Высотой скала не превышала здания в пару этажей, а чтобы обойти ее по периметру, хватило бы пары сотен шагов.

Я прекрасно понимал, что площадь водосбора здесь слишком мизерна, чтобы рассчитывать на источник пресной воды, но уставший человек равноценен дураку, а дураки любят жить напрасными надеждами. Потому, кое-как застопорив бревно среди валунов, начал забираться наверх, в ложбину меж двух

вершин. Если здесь все же есть вода, то лишь там. Впадинка с мутной жижей, оставшейся от давненько прошедшего дождя: пусть даже так, мне и грязной хватит, сейчас не до брезгливости.

Увы. Ничего подобного я не обнаружил. Даже гнезд чаек здесь не оказалось. Или для них недостаточно высоко, или по другим причинам забраковали это место.

Пришлось завалиться на камни, не напившись даже каплей.

Одно порадовало: камни оказались не такими уж и холодными, несмотря на затянутое облаками небо.

Открывая глаза, я решил, что находка скалы, трудности с причаливанием и все прочее мне приснилось. Вода как лилась на меня со всех сторон, так и продолжала литься. Не чувствуя завязок, вскочил в панике, решив, что потерял одежду, и ошеломленно замер. Скальная поверхность, неровные камни в пятнах лишайника, служившие мне вместо матраса… и струи дождя. Надеюсь, сумрачно из-за них, а не из-за того, что я провалялся до самого вечера.

Дождь! Вода! Пресная вода! Ура!

Очень быстро выяснилось, что утолять жажду, подставляя под капли разинутый рот, – не самый эффективный способ. Покосился на одежду. Штаны суконные, как и куртка. Жаль – надо было прогуливаться по палубе в коже. Ее хоть под водосборник можно приспособить, в отличие от этого тряпья.

Обнаружив среди камней русло, по которому драгоценная вода стекала в море, приступил к работе. Выбрав удобное место, начал заваливать его всем, что под руки подвернется. Спустившись вниз, нашел свое бревно, вытащил нож, с его помощью наковырял из трещин какой-то похожей на низкокачественную глину массы, используя ее для герметизации плотины.

Вскоре я со спокойной душой наблюдал, как крошечная чаша водохранилища медленно, но неуклонно стала заполняться. Не знаю, долго ли продержится в ней влага, но попытка хорошая.

И единственно возможная в сложившихся условиях.

Из-за дождя я вновь начал замерзать, но поделать с этим ничего не мог. Укрытий на острове нет, одежда как была мокрой, так и осталась таковой, дров тоже не имеется. Можно, конечно, нарезать ножом щепок от бревна, но как разжечь костер без огнива из такой сырятины? Я и в сухую погоду вряд ли это сумею, а уж в такую и со спичками возникнут колоссальные трудности.

Найдя крошечный выступ под скалой, кое-как, скрючившись, разместился под ним, дрожа от холода. Спасибо, хоть жажда теперь не мучает. Зато есть хочется просто смертельно…

Терпи, Дан, терпи… Будет утро – будет и еда. Ну, по крайней мере, надо попробовать ее поискать.

Первый раз в жизни выспался кошмарно, но при этом без ужасающих сновидений. Просыпался, наверное, раз сто, и засыпал с трудом, под барабанную дробь зубной дрожи. Наверное, эмаль не в одном месте растрескалась от таких перегрузок. Спасибо, что на дворе лето, иначе не дотянуть мне до утра.

Солнышко разогнало остатки туч, приветливо подмигнуло из-за горизонта. Я не спал, из последних сил дожидаясь этого чудного мига, и сейчас старался прихватить озябшим телом как можно большую порцию тепла. Пока что ловилась мелочь, но ведь на дворе еще не полдень.

Дрожь, из-за которой даже соображать ничего не мог, поборол, когда солнце серьезно поднялось над горизонтом. Только тогда сумел вдумчиво изучить свое вечернее гидростроительное сооружение. Хоть лепил его бездумно, да и с материальным обеспечением проблем хватало, результатами можно было гордиться: после дождя удержалась длинная лужа приличной глубины. Ведра два-три воды, если не больше. Разумеется, она здесь вечно пребывать не будет: просочится и частично испарится. Но до этого момента от жажды я не загнусь.

Значит, надо успеть найти более подходящее вместилище для запаса воды и про еду тоже не следует забывать.

Спустившись к бревну, убедился, что за ночь его никто не украл. Затащил его повыше на камни, насколько смог, затем начал исследовать дно на предмет ракушек. Быстро нашел несколько половинок двустворок, но убедился, что как емкости для воды они не годятся. Таких полсотни надо, чтобы стакан удержать. При этом площадь поверхности окажется таковой, что испарение быстро оставит меня без запасов.

Осмотрел бревно. При сильном желании и бесконечном трудолюбии в нем можно попробовать выдолбить нишу и затем туда перетаскать воду в тех же раковинах. Бредовый проект, да и в плаванье такого запаса не сохранить – выльется при болтанке, или волны солью загрязнят. Пробку придумать? А пить как? Из трубочки для коктейлей? И где здесь можно приобрести такую трубочку? Даже пустотелого стебля травы как заменителя не достать ни за какие деньги, так как здесь, кроме лишайников, ничто не растет.

По морю много чего носит и частенько выбрасывает на такие вот скалы. Опыт находок у меня уже был, вот и сейчас решил его обогатить, для чего начал обходить островок по мелководью, зорко все при этом оглядывая. За ночь волны почти улеглись, меж камней больше ничего не пенилось, вода была такой прозрачной, что видно каждую ракушку на дне – идеальные условия для поисков полезных в хозяйстве предметов.

К сожалению, несмотря на всю идеальность условий, ценности упрямо не желали находиться. Ни обломков корабля, ни лодок, сорванных в шторм, ни хотя бы еще одного бревна не встретилось. Обойдя скалу, я пошел на новый круг, на этот раз двигаясь медленнее, не ленясь подходить к подозрительным местам.

Такая тактика принесла куда большие плоды. Я нашел череп дельфина (сильно потрепанный и непригодный даже истеричных школьниц по ночам пугать), большую витую раковину (полстакана воды в нее точно влезет, а то и целый стакан, вот только вонь разложившегося моллюска не способствует ее использованию в качестве посуды) и треснувшее деревянное колесо корабельного блока.

Само собой, находки меня не порадовали ввиду полной бесполезности. Зато на восточном склоне острова, в стороне от расселины, что разделяла его вершины, заметил приличный грот. Вот где можно было переночевать с относительным комфортом. Ну кто ж знал…

Человек – любопытное создание, и я не исключение. Полез наверх проверить находку. Если вода удержится в луже, то отчаливать раньше утра смысла нет. Хоть сил наберусь. А силы лучше набираться в комфортабельных условиях.

Первое, что мне бросилось в глаза, – человеческий скелет. Нельзя сказать, что я впервые встречаю останки человека – в Межгорье это обыденное явление, за что стоит «благодарить» усердие солдат Кенгуда. Но зубы и клювы падальщиков – серьезный инструмент, кости растаскивают лихо. Встретить целиком, будто экспонат анатомического музея, удалось лишь раз, в пещере, где меня выхаживала похотливая ведьма.

Этот скелет был целым, будто только что доставлен из анатомического музея. Ну да, ведь хищниками и стервятниками эта скала не кишит (мягко говоря). На костяке имелась кожаная куртка и штаны. Одежда, недоступная очищающим дождям и прибою, мерзко заскорузла от трупных выделений, а запашок в пещере был ничуть не лучше, чем от найденной до этого раковины. Я не судмедэксперт, но могу предположить, что тело пролежало не так уж и долго. Год-два? Вряд ли. Месяцы? Это куда ближе к истине. Кости даже толком очиститься от плоти не успели.

Второе, что привлекло мое внимание, – надпись на дальней стене грота.

Так сильно я еще ни разу в жизни не удивлялся.

Не так уж давно, в прошлой жизни, меня достаточно серьезно натаскивали для действий в чужом мире. И не меня одного. Нет, я не встречался с другими добровольцами, но кое-что слышать о них приходилось. Немного, к сожалению. Хотя как сказать, ведь главное все же узнал: на этом странном пути я далеко не первый. В том проекте, где довелось участвовать, до меня было как минимум восемь удачных запусков. Следует отметить, что под удачным запуском подразумевали запуск, при котором оператор мог с уверенностью заявить, что подопытный попал туда, куда планировалось. То есть сюда.

Каким образом это определяли операторы – я понятия не имел. Спросить не получалось. Оператора я знал всего лишь одного, точнее одну, да и то мельком виделись, и думала она, похоже, лишь об одном, полностью игнорируя остальное. Все ее слова сводились к намекам (если прямой текст можно назвать

намеком): «Дан, перед смертью тебе разрешат последнее желание, так ты, пожалуйста, не забудь заказать кровать побольше и меня к ней в придачу». Я в тот период был озадачен столь серьезными проблемами, что даже сексуально озабоченный кролик, не видевший крольчихи пару месяцев, думал бы о чем угодно, но только не на тему продолжения рода. Да и оператор была не в моем вкусе как касаемо внешности, так и характера. В общем, взаимовыгодного общения не получилось. Оставалось верить на слово, что такие, как она, умеют отслеживать наши последние полеты.

Итак: до меня было восемь удачных запусков. И неизвестное количество неудачных, при которых операторы не могли точно сказать, прибыл доброволец в этот мир или растворился по дороге из-за явления неизвестной природы, которое такие невежды, как я, незатейливо величали «пылесос». Вроде бы около четырех десятков неудачников было, но информация недостоверная.

Однако и это еще не все. По некоторым обмолвкам (иногда очень даже информативным) я знал, что проект, в который меня угораздило попасть, не единственный. Имеются еще, в других государствах. О них я знаю еще меньше, но об одном кое-что слышал. Якобы там было проведено не менее четырнадцати попыток, причем последняя оказалась очень удачной. Операторы следили за добровольцем несколько часов, прежде чем потеряли контакт.

Что с ним случилось дальше? Неизвестно. Известно лишь то, что он как минимум несколько часов сумел здесь прожить. И есть вероятность, что не свернул шею до сих пор.

Очень надеюсь, что свернул и в гроте лежит именно его скелет. Не то чтобы я очень не любил конкурентов из других проектов, но этот типчик тот еще фрукт. Если верить Ивану, то ученые из очень демократичной страны впали в депрессию от череды неудач и не придумали ничего умнее, чем заслать сюда психопата. Такой классический серийный убийца, предпочитающий ножи и бритвы. Из его истекающего кровью тела вышибли душу, отправив в другой мир создавать там портальную установку.

Больший бред даже в сдобренном кокаином алкогольном сне не приснится. Они там что, прогрессирующим скудоумием все до единого страдают? Могли бы хоть свои же фильмы посмотреть, про аналогичных героев, и подумать, станет ли такой субъект создавать что-то своими руками (безделушки вроде абажуров из человеческой кожи и ковриков из скальпов – не считаются).

В общем, такие коллеги мне здесь даром не нужны. Пару раз я даже сон видел, как встречаю того самого четырнадцатого, и ни один из этих снов не был приятным.

Почему я решил, что передо мной останки жителя Земли и к тому же, возможно, того самого маньяка? А что еще можно предположить, обнаружив на скале рядом со скелетом надпись «Бога нет», выполненную на английском языке? К тому же нанесли ее, похоже, кровью, что много говорило о характере этого «графомана».

Мне доводилось здесь слышать фразы на плохой латыни. Якобы это язык стражей. Не знаю, не знаю, ведь со стражами далеко не все понятно… К тому же это единственное известное мне лингвистическое исключение – все население всех стран и никому не принадлежащих территорий разговаривало на мало отличающихся диалектах единого языка. Вроде бы существуют отдельные общины в далеких пустынях и горах, народ которых несет тарабарщину, но тарабарщина эта состоит из хорошо знакомых слов, просто сильно искаженных.

Нет, передо мной точно землянин.

Каковы были шансы на него нарваться? Ведь здешняя планета если и уступает размерами Земле, то вряд ли намного. Шансы нулевые. Но я все же нарвался. Немыслимое совпадение? А если немного подумать? Вспомнить свою же биографию. Я ведь по прибытии тоже на острове оказался, точнее, вблизи него. Причем не так уж далеко отсюда. Если вспомнить карту Арисата и понадеяться на ее точность, то можно заметить, что эта скала и мой остров лежат приблизительно на одном меридиане (плюс-минус пара сотен километров). Их, правда, в этом мире не наносят, но я ведь принципы построения географических проекций помню.

Что, если зайти в своих предположениях чуть дальше. Раз в этом районе появились два землянина, то можно сделать вывод о наличии здесь неких неизвестных науке факторов, благоприятствующих переносу.

Каких факторов? Если наука не знает, то откуда мне знать?

И еще дальше можно попробовать заглянуть: вдруг все добровольцы всех проектов оказываются здесь? Потому что только в этом районе складываются благоприятные факторы – нечто неизвестное, облегчающее перенос, и наличие подходящих тел. Мы просто попадаем в людей, приготовленных для заклания в темных храмах, или перевозимых на кораблях к не менее темным островам. Их здесь хватает. Безмозглые куклы, сосуды для погани – первоклассное вместилище.

Хотя этот одет не так, как я и те бедолаги, которых мы встретили в катакомбах под храмом демов. Штаны вроде похожи, но здесь и обычные люди такие носят: дешево и практично. А вот кожаная куртка не вписывается в образ.

Поборов брезгливость, исследовал тело и грот. Нашел множество раковин, рассохшийся рыбий хвост, изрядно заржавевший матросский нож, примотанный к кривой палке на манер наконечника копья, один ботинок с отслоившейся подошвой и тощий кожаный кошелек со жменей квадратных медных монет. Такие же мы находили у пленных демов – это их валюта.

Матрос с галеры южан? Тогда почему он оказался здесь один? Высадили в наказание на необитаемую скалу, как это здесь, случается, практикуют? Тогда почему в одном ботинке? Потерял второй? Или за борт сверзился в шторм и уже по пути сюда море отобрало? Тогда как он доплыл в тяжелой кожаной куртке? Тоже удобное бревно подвернулось? Но никаких бревен на берегу не нашлось, а это такое имущество, которое требует заботы. Некий страж свое повыше затащил, где волны точно не смоют. А этот почему так не поступил? Потому что растяпа? Или высокий прилив достал?

Вопросы-вопросы, а отвечать на них никто не торопится…

Кстати, теперь кое-что стало понятно. Во время обхода скалы по мелководью я замечал в глубине колонии мидий, но все раковины были мелкими. Теперь догадался, куда подевались крупные: этот парень их съел. Вон сколько скорлупок осталось. Жил тут на острове не один день, может, даже недели или месяцы, да так и околел в итоге от жажды или голода. Судя по тому, что рыбий хвост обнаружен в единственном числе, с рыбалкой у него дело не заладилось, а моллюски растут медленно, причем их здесь не так уж много. Проредил популяцию, лишил себя кормовой базы, а после затягивал пояс, пока не окочурился.

Или сушь затянулась, без единого дождя. А жажда убивает гораздо быстрее. Может, замерз, когда холода пришли, болезнь свалила, сверзился с камня, сильно травмировавшись.

Хотя последнее вряд ли: все кости целы, на черепе не видать трещин.

Почему он не перекрыл расселину капитальной плотиной? Склоны этой природной чаши даже при мелком дожде соберут воду в количестве, достаточном для одного человека на несколько дней.

Опять безответные вопросы…

А может, и перекрыл, да ливнями или весенним таянием снега смыло. Надпись на скале осталась лишь потому, что дождевые капли в грот не попадают.

И я здесь свой скелет оставлю, после того как съем всю мидиевую мелочь и выпью воду из запруды…

Нет уж, фигу вам, товарищ необитаемый остров. Одного землянина тебе более чем достаточно. Много чести. Свалю я отсюда утром. Вот только не знаю куда. Хотя идеи на этот счет имеются.

Забравшись на самую высокую точку острова, я до боли в глазах не меньше часа осматривал горизонт в поисках суши. Где-то ведь должны гнездиться здешние чайки? Почти сразу не так уж далеко к северу заметил еще одну скалу, не больше этой. Глупо предполагать, что там меня будут ожидать несметные запасы провианта и пресной воды, потому не стал забивать голову, как бы туда добраться, преодолев силу восточного течения.

Еще заметил стайку дельфинов примерно в километре. Говорят, это существо не только забавное, но и съедобное, однако сильно сомневаюсь, что охота на них имеет шанс на успех. В отличие от легкомысленных земных собратьев местные слишком недоверчивы и не любят приближаться к человеку. По крайней мере до сих пор я ни разу не видел, чтобы они сопровождали корабли, а ведь у нас это обычное явление. Хотя не исключено, что мне просто не везло.

Северо-восточнее на горизонте заметил подозрительное облачко. Одинокое, висит низко, будто касаясь воды. Собственно, почти весь час ушел на наблюдение за ним, и в итоге был сделан вывод: облачная дымка висит на одном месте, игнорируя воздушные течения.

Адмиралом я был, если откровенно, скорее парадным, чем реальным, мало вмешиваясь в корабельные дела ввиду неопытности, но старался вникать. И помнил, что в ясный летний день при несильном ветре такая дымка может являться признаком приличной суши. Наверное, возникает из-за разности прогрева земли и воды, хотя не уверен в этом.

Остров? Ну уж никак не скала – над ней облачности не будет из-за мизерности масштабов. Материком эта земля тоже не может оказаться. До родного берега еще ой как далеко, а побережье демов лежит гораздо южнее.

Что там было на карте Саеда? А ничего. Даже матийцы не любили сюда соваться, и потому здесь сплошное белое пятно, заполненное исключительно слухами – как правдоподобными, так и не очень. И обобщающая их надпись: «Проклятые воды».

Кстати, а не может дурная слава этих мест оказаться связанной с их перспективностью для перехода границы миров? Два землянина, как ни крути, здесь уже оказались, а где два, там и больше найдется. Вдруг на той скале, что к северу, тоже лежит чей-нибудь скелет, и даже не один, а на камне рядом человеческой кровью увековечено: «Здесь был Вася».

Кстати, надо и самому что-нибудь написать, раз уж пошла такая мода. Но только не здесь. Эта скала уже занята другим, нехорошо примазываться к чужому приоритету. Один остров – одна надпись. Найду свой – и там уж буду делать что вздумается.

Так что там насчет правдоподобных слухов? Надо напрячь память, ведь я не один раз эту карту в руках вертел. Про скалы говорится, рифы, которых пруд пруди, острова вроде тоже есть. И даже надпись одна была о большом острове где-то в этих краях. Мореходы, наткнувшиеся на него, оставили крайне мало информации: «В шторм попали, когда шли от Шотгая, слева на траверзе поначалу была восточная оконечность Стрелки. Носило три дня, определяться не могли. Вынесло к большой суше с неудобной песчаной бухтой на севере. В ручье

там была хорошая вода». Вот и все. Что за остров, где именно он располагался и что там имелось помимо ручья и песчаного пляжа на северной оконечности – тайна великая.

Впрочем, упрекать мореходов не стоит. Если после жестокого четырехдневного шторма, когда деревянная лоханка летала по волнам среди рифов, коих тут хватает, они задержались на острове лишь бочки заполнить из первого встреченного источника, – это говорит лишь о том, что острова они боялись куда больше, чем бушующего моря и прочих местных радостей.

А чего аборигены боятся больше всего? Известно чего: погани. Лишь демов это не касается, да и то не во всех случаях. Именно из-за темных явлений здешнее море и острова заслужили дурную славу. Даже бесшабашный Саед, прокладывая курс к Железному Мысу, постарался обогнуть «белое пятно» как можно западнее. А уж этого матийца запугать непросто.

С другой стороны, если вспомнить о склонности аборигенов к суевериям, все их страхи полагается делить на десять, а то и более. То есть остров может оказаться безопасным во всех отношениях.

Или нет…

Да что я гадаю, будто у меня богатый выбор имеется?! В принципе имеется: остаться здесь, и со временем скала станет богаче еще на один скелет; или плыть куда-нибудь, в надежде если не людей найти, то хотя бы место, где не склею ласты от голода и жажды.

Склоняюсь ко второму варианту.

Нет, милый островок, я лучше утону, но моего скелета ты не получишь. Допью воду, пожую мелких мидий – и ранним утречком мы с тобой распрощаемся.

Глава 3

Продолжение эпопеи капитана боевого бревна

Четвертый день пошел, как я происками коварного врага оказался за бортом флагманского корабля. И должен признать, обстановка сегодня куда приятнее. С помощью ножа немного поработал над бревном, и теперь обвязка по нему не елозит, волнение очень слабое, почти не ощущается, денек солнечный, поверхностный слой воды хорошо прогрелся, переохлаждение мне уже не грозит. Хотя приходится шевелиться, иначе дело быстро доходит до озноба.

Не шевелиться нельзя не только по причине озноба. Остров, или то, что я принимаю за остров, располагается к северо-востоку, а течение, если не ошибаюсь, несет бревно почти строго на восток. По крайней мере, так было на подходе к скале, и вряд ли его направление дальше существенно меняется. На картах Саеда оно, кстати, обозначено, и еще там сказано, что вода движется по прямой линии от дальнего, неисследованного запада до самых проливов, причем с приличной скоростью. И еще одна странность: на глубине скорость сильно возрастает. Уж не знаю, как это выяснили, но теперь даже использовать научились. С носа на толстом тросе опускают приспособление, похожее на парус. На глубине около семидесяти – восьмидесяти метров его раздувает быстрая струя, трос натягивается, и корабль устремляется вслед за этим оригинальным буксиром. Штиль нипочем, встречный ветер тоже не может серьезно помешать. Если тебе срочно надо на восток, лучшего способа не придумать.

С помощью «подводного паруса» можно быстро пройти от океана до проливов, ведущих во внутреннее море. Правда, этот маршрут популярен лишь у демов, купцы им не пользуются ввиду отсутствия торговли севера с югом. Разве что контрабандисты, но чем они отличаются от тех же демов, если ведут дела с врагами рода человеческого?

К проливам мне не надо, слишком уж они далеко, если и доплыву, то неживым, а друзей у меня там нет, так что торжественных похорон никто устраивать не станет. Потому, удерживаясь пузом на бревне, гребу треснувшим колесом корабельного блока вместо весла, стараясь посильнее забирать влево.

Даже бесполезной на первой взгляд находке нашел применение – экий я сообразительный.

Волн нет, и это хорошо. Но в каждой бочке меда найдется своя ложка дегтя: отсутствие высоких валов не позволяет мне «заглядывать за горизонт». Я не

вижу облачного признака земли и вообще ничего не вижу. Из ориентиров только солнце. Скорость продвижения непонятная, кажется, что барахтаюсь на месте, – и это сильно нервирует.

Время шло, я упорно пытался изобразить нечто вроде гребли в ее лучшем понимании (получалось куда хуже) и гадал, туда ли плыву, и плыву ли вообще. Полное впечатление, что стою.

Поначалу я услышал характерный шум. В открытом море только кажется, что волнения почти нет. Пологие валы, ласково покачивающие мое бревно, в тесноте мелководья вздымались ввысь, закручивали пенный гребень на вершине и разбивались о берег или камни. Даже при слабом волнении грохот при этом получался изрядный.

Именно этот звук я сейчас и услышал – рокот прибоя. В отличие от опытного морехода, определить, ломаются волны на песчаной мели или ударяют о камни, не умею. Но там явно что-то есть. Где-то впереди.

Извернувшись подколодной змеей, взметнул тело ввысь, успев бросить беглый взгляд. Разочарование то еще – впереди всего лишь бесполезные камни. Будто великан потерял в море свою исполинскую расческу. Почти вся скрыта под водой, только ряд зубьев еле-еле проглядывает. Их то заливает прибоем, то слегка оголяет. Кораблю в таком месте верная гибель. Разве что гребцы сумеют побороть течение, но это возможно лишь на специализированных судах вроде быстроходных галер демов. Обычному паруснику, даже имеющему набор весел для маневров в гавани, хана.

Я не парусник, но тоже рискую отправиться на дно. Ребра прекрасно помнят знакомство с прибоем, состоявшееся на оставшейся позади скале, и возобновлять его не желают. А ну как шваркнет головой со всей дури? Она у меня всего одна и ценит бережное обращение.

В общем, пришлось мне ужом изворачиваться, раз за разом приподнимаясь над морем, чтобы оценить обстановку. После оценки начинал барахтаться со всей возможной резвостью, стараясь держать курс к чему-то похожему на безопасный проход между камнями.

Немного не угадал. То, что я принимал за проход, оказалось мелководьем с неровным каменистым дном. В полосе прибоя меня пару раз неслабо о него приложило, к счастью, не головой, а ногами. Но все равно приятного мало. Кое-как выбравшись из этого кипящего котла, спотыкаясь, неловко прощупывая дно, добрался до скального зуба, причалил к нему бревно, перевел дух, параллельно раздумывая над дальнейшими перспективами.

Рифовая гряда, похоже, тянется далеко. Ни на севере, ни на юге конца ей не видно. Где-то полоса рифов шире, где-то вытягивается в тонкую линию. Отменная ловушка для кораблей, идущих восточным течением. Даже галере демов придется несладко – греби не греби, а обогнуть такое препятствие будет непросто. Ой не зря здешние воды моряки, мягко говоря, недолюбливают.

Кое-как закрепив бревно меж пары камней, взобрался на риф, осмотрелся. Так и есть: скалы тянутся от горизонта до горизонта. Но не это привлекло мое внимание. Почти строго на севере из моря выдавалось несколько серо-зеленых бугров, и если глаза не врут, росли они из единого плоского основания. А белесая дымка напоминала об облаке, замеченном со скалы.

Я не ошибся – действительно остров, причем немаленький. Местность здесь не засушливая, так что как минимум водой я там буду обеспечен – это огромный плюс.

Но есть и минус, причем жирный: несмотря на все усилия, я оказался гораздо южнее, чем хотелось бы. Теперь остров от меня не на северо-востоке, а просто на севере, и это очень плохо. Чтобы добраться до него, придется плыть под прямым углом к направлению течения. Как ни забирай к западу, все равно не поможет – слишком уж оно мощное для моего неказистого плавсредства.

Есть вариант попробовать двигаться по рифам, ведь они тянутся далеко на север. Возможно, даже до самого острова. Тогда я фактически пешком доберусь. Разве что местами придется плыть, но на коротких дистанциях можно не жалеть себя, стараясь изо всех сил.

И еще минус имеется: под ногами не ровное песчаное дно, а каменный хаос. Сломать конечности можно запросто, а уж без ушибов никак не обойтись, особенно в местах, где бушует прибой. Даже просто идти неудобно и зачастую больно, а если при этом тащить тяжеленное бревно, то вообще дело дрянь.

Оставить бревно здесь? Ага… и лишиться пусть и чахлого, но «корабля». Неизвестно, получится ли еще добраться до этого острова. Вдруг придется и дальше двигаться на восток? Можно, конечно, попытаться закрепить плавсредство среди камней поосновательнее, чтобы можно было затем вернуться за ним, но как-то боязно. Вдруг прибой усилится? К тому же в здешнем море случаются приливы. Хоть амплитуда их невелика, но частота приличная, к тому же они непредсказуемы из-за пары крупных спутников. Если их притяжение складывается, что случается не так уж и редко, то уровень моря поднимается прилично.

Нет, рисковать я не буду. Потащу свое бревно хоть на край света. Ни за что с ним не расстанусь. Почти влюбился.

Спустя несколько часов я был вынужден вторично задуматься о разлуке с бревном. Как ни трагично расставание, а, похоже, выбора мне не оставили.

К тому времени на ногах моих не осталось живого места: несмотря на ботинки и штаны, синяков и ссадин наставил кучу. Спасибо, что до серьезных травм не дошло.

Несколько раз в местах, где среди рифов тянулись широкие проходы, я едва успевал добраться до мелководья, преодолевая течение. Еще чуть-чуть – и отправился бы на восток.

Увы, рифы, внезапно возникнув на моем курсе, так же неожиданно сошли на нет. Ну что ж – как ни велика расческа великана, но конец у нее должен быть. Жаль только, что оказался он не чуть дальше.

От едва выглядывавшей из моря скалы, на которой я сейчас стоял, до острова оставалось не больше пары километров. Я отчетливо различал серую полосу галечниковых пляжей, зелень лесов, поросшие кустарниками склоны холмов, занимающих центральную часть пятачка суши.

Хотя какого пятачка? В диаметре он не меньше пяти-шести километров – тот еще пятак. Это если остров более-менее круглый в плане. А вдруг он вытянут наподобие этой рифовой гряды – с севера на юг? Со своей позиции я могу лишь гадать о его очертаниях.

Стоит мне сделать пару шагов – и под ногами разверзнется морская бездна. Это крайняя точка рифов – они не пожелали тянуться до самого острова. Хочешь – не хочешь, а надо как-то проплыть оставшееся расстояние. Два километра – экий пустяк.

Не пустяк…

Течение будет относить меня на восток, а остров расположен на севере. Надеяться, что воды здесь замедляют свой бег, – глупо. Наоборот, стиснутые с одной стороны берегом, а с другой – рифами, они должны с удвоенной прытью протискиваться через узкий пролив. Моих скромных познаний в мореходстве хватало, чтобы это подозревать.

До острова всего лишь два километра – это двадцать минут ходьбы не слишком быстрым шагом, проплыть их не особо тренированный, но выносливый пловец сможет примерно за столько же.

Два километра или двести двадцать два – разницы сейчас никакой. Я ни за что не доберусь до острова, если буду плыть, как и прежде, на бревне. Это вам не доска для серфинга – скорость с ним смехотворная, как ни старайся.

Или забыть про остров, продолжив плавание на восток, или бросить бревно. Что выбрать?

Дураков среди присутствующих нет: не хочу я на восток. Неизвестно, что меня там ждет, а здесь – рукой подать благодатный остров. Буду пить воду, построю хижину, заведу себе коз и Пятницу. Не пропаду.

С бревном расставался чуть ли не со слезами на глазах. Спасибо, выручило, жизнь спасло. Укрыл его среди камней: кто знает, вдруг еще вернусь.

Хотя как? Не выгребу к острову – назад тем более не выгребу. Это поездка в один конец, без обратного билета.

Плыть пришлось в ботинках. Слишком ценный предмет, чтобы бросать его вместе с бревном. Разместить на голове? Но там на манер чалмы скрученные

жгуты мокрой одежды. Ткань тяжелая, что добавляет проблем, усугублять их обувью не стоит. Это, конечно, не может не сказаться на темпах моего продвижения, но жаба требовала забрать абсолютно все, вплоть до деревянного колеса. Спасибо, что хоть в этом ее переспорил.

Примерно на полпути шнуровка левого ботинка ухитрилась развязаться. Как раз к этому моменту я начал понимать, что меня неминуемо пронесет мимо острова, и происшествие не прибавило радости. Будучи на грани паники, скинул обувь, но заметной прибавки в скорости не ощутил. Кое-как сумев трезво оценить ситуацию, отказался от курса прямо на берег. Он уже северо-западнее меня, продолжая двигаться в этом направлении, я сражаюсь со всей мощью течения.

Поступим иначе: постараемся оказаться восточнее острова. Море там прикрыто от течения, есть шанс потом развернуться на запад.

Руки и ноги отваливались от усталости, когда я наконец убедился, что остров остался на западе. На глаз – в километре, может, чуть меньше или больше. Но теперь он по идее должен прикрывать меня от течения. Не могут же его струи смыкаться сразу за препятствием! Или могут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/artem-kamenistyy/serdce-dlya-strazha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити